

* * *

По живому пространству, где фосфор
оставляет чахоточный след,
я прошёл невесомо и просто,
без знамён, без потерь, без побед.

Там о смерти ни слова – не каркай:
ворон ворона не заклюёт!
На какие военные карты
нанесут этот пеший поход?

Я ходил по холмам и пригоркам
(хочешь смерти – так быть посемену),
но ни корки теперь, ни полкорки
я с чужого стола не возьму.

* * *

Снег сам собой не образует мифа:
мы бабу снежную лепили, дети скифов,
сакральный смысл оставив на потом,
с кургана покатались кувыркком.

А зимы были страшные: страшнее,
чем ночь в бомбоубежище. Дощечки
привязывали вместо лыж к ногам,
и даже если дом не уцелеет,
то в кухне летней как-нибудь у печки
перезимуем. И хвалу богам

весной, когда снега сойдут с курганов,
мы выразим посредством истуканов.

* * *

Я дна достиг. Живущим в междуречье
Кривого и Казённого Торца
чужое солнце обжигает плечи.
И падает душистая пыльца
из каждого открытого цветка,
как старая побелка с потолка.

* * *

Нарушена оптика в капле росы,
а город ногами затоптан,
и входит шаманство в движенья осы
из тёмных времён допотопных.

И так до Христа без царя в голове
(какие там яти и еры!),
я только учился ходить по земле,
а думал вернуться в пещеры.

Из речи согласный вытравливал звук,
оставив гуленье сплошное,
я снова младенчески видел вокруг
съедобное или смешное.

На празднике жизни сдвигают столы
и форм переходных не кажут,
о том, что забуду спросить у пчелы,
она мне сама не расскажет...

* * *

Давай о смерти ни гугу,
кто был не прав – война поправит,
мой голос внутренний картавит,
и я по снегу, как могу,
иду домой.

Но медленней ползёт улитка,
чем я (во сне) туда иду.
Что, если это не молитва,
а так – губами шевелю,
о ангел мой?

Хоть стены там тепла не держат,
есть только стулья и кровать...
Из человека выпал стержень,
и больше нечего ломать.

ОСЕНЬ

Журнальный вариант

1

Всё не так, как раньше мне казалось,
Бог с тобой, прохожий, я в порядке.
Солнечная осень состоялась,
но потом на деле оказалось –
вариант журнальный, то есть краткий.

Хвойный лес, куда с тобой вернёмся,
где не пахнет минами-грибами,
хвоя отфильтровывает солнце,
и оно тебя теперь коснётся
липкими, душистыми лучами.

Музыка нетканая возникла –
я отсюда слышу её гомон.
Бог с тобой, прохожий, я привыкну,
за меня ещё попросят выкуп
и получат деньги по-любому.

2

Я рифмую «всхлип»...

Б. Рыжий

Жили-были, кончилась Москва...
Как тебе понравится такое?
Стынет сад, и листья со стола
ты сметаешь тёплой рукою.

Я живу под небом молодым
и боюсь проснуться онемевшим,
ну и что, что я рифмую «дым», –
горечи не больше и не меньше.

* * *

Остался вымпел на Луне,
где нет следов собак и кошек,
где Армстронг выпил в тишине,
где небо в беленький горошек.

Тем, кто не прыгал с гаражей,
поможет мягкая посадка.
За домом в девять этажей –
овраг, подстанция, посадка.

Попробуй небо обогреть,
оно не даст тебе свалиться,
бывает проще умереть,
чем из «Фейсбука» удалиться.

* * *

Николаю Давыдову

Забудь Ульяновск, от «Венца» до «Шипра»
полтыщи метров, около того,
названья эти содержали шифры,
я все их разобрал до одного,
но в поезде оставил свой блокнот,
где цифры, знаки, потаённый код.

Я выяснил, зачем копали землю,
что прятали внутри библиотек,
зачем везли не каждого отдельно,
но всем один приобрели билет.

И в кукольном музее Гончарова
я сделал вид, что мне опять хреново,
отстал от всех и тяжело дышал.

И, счастье ощущая в полной мере,
я молча растворился в атмосфере,
как будто не серьёзно существовал.

* * *

Андрею Фамицкому

Это сон, глубокий, мирный сон,
укачало в поезде – бывает,
не было пространства – был вагон.
Я внутри, меня слегка качает.

Носят чай, но подстаканник пуст,
вечность знает жажду, но другую,
и белья почти неслышный хруст
заглушает музыку люблю.

Вещь такую пишешь пять минут,
а потом три дня её вмещаешь.
Мы уходим к свету, там нас ждут,
но кормить в пути не обещают.